

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*А.Я. РУБИНШТЕЙН,
В.Ю. МУЗЫЧУК*

Оптимизация или деградация? Между прошлым и будущим российской культуры

В статье представлен статистический анализ основных показателей театральной, концертной, музейной, библиотечной и культурно-досуговой деятельности, выявлена фундаментальная тенденция снижения уровня потребления культурных благ в период 1985–2012 гг., рассмотрены основные факторы, определившие негативную динамику и формирование значительных региональных диспропорций. Результаты статистического анализа представлены в работе на фоне описания нелояльных к культуре административных решений в период 1949–2012 гг. На основе социологического опроса экспертов, проведенного с участием авторов в 2013 г., сформулированы основные направления культурной политики, способные изменить сложившуюся ситуацию.

Ключевые слова: посещаемость, учреждения культуры, потребление культурных благ, финансирование культуры, “болезнь Баумоля”, культурная политика, теория опекаемых благ.

The paper presents a statistical analysis of the main indicators of cultural activities (on the example of theaters, concert organizations, museums, libraries and recreation centers), which demonstrates a fundamental downward trend in the consumption of cultural goods in the period from 1985 to 2012. The main factors determining the formation of a negative trend and significant regional disparities are considered. Results of statistical analysis are presented in the paper along with a description of disloyal administrative decisions concerning the arts and culture in the period from 1949 to 2012. The main directions of cultural policy based on a poll of experts conducted with the participation of the authors in 2013 are formulated.

Key words: attendance, cultural institutions, consumption of cultural goods, funding for the arts and culture, Baumol’s cost disease, cultural policy, theory of “patronized” goods.

Статус ключевого элемента общественной системы придают культуре две ее характеристики. Во-первых, она аккумулирует многовековой опыт: подавляющее большинство ценностей, которыми живет страна, созданы в прошлом, подчас далеко, и они во многом определяют ее дальнейшее развитие. Во-вторых, именно культура

Рубинштейн Александр Яковлевич – доктор философских наук, профессор, первый заместитель директора Института экономики РАН, заведующий сектором экономики искусства Государственного института искусствознания.

Музычук Валентина Юрьевна – доктор экономических наук, заведующая сектором эффективности социальной сферы Института экономики РАН, ведущий научный сотрудник сектора экономики искусства Государственного института искусствознания, член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ.

формирует самого человека, создает внутреннюю мотивацию его поступков и тем самым направляет нынешние и будущие изменения в стране, содействует становлению открытого и правового общества, гражданскому согласию.

Сама культура обладает тремя уникальными ресурсами – творческим потенциалом ее создателей, накопленным и развиваемым из поколения в поколение; культурным наследием, являющимся результатом труда творцов; культурными традициями, материализованными в интересе населения к ценностям культуры. Отсутствие сиюминутных результатов обязывает общество относиться к культуре с особой рачительностью, оберегая накопленный культурный потенциал и осуществляя разумную политику государства. Но если не обеспечивать необходимые условия для функционирования культуры, эти стратегические ресурсы России могут быть утрачены за годы жизни двух-трех поколений. Тому есть множество подтверждений.

История имеет значение! В один из ее драматичных моментов, когда власть, занимаясь привычными идеолого-патриотическими “вливаниями” в литературу и искусство, начала “оптимизацию” театральной деятельности. Постановление Совета Министров СССР № 537 от 4 марта 1948 г. “О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности” начиналось со следующих слов: “Совет Министров СССР считает неправильной и порочной практику, укоренившуюся в театрах, когда основным источником финансирования их деятельности стали не доходы, получаемые от продажи билетов, а дотация театрам из государственного бюджета”. В постановляющей же части этого документа сказано еще более жестко: “В целях ликвидации иждивенческой практики в работе театров Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Снять с 15 марта 1948 года с государственной дотации и перевести на полную самоокупаемость театры союзного, республиканского и местного подчинения, согласно Приложению № 1.

2. Сократить дотацию и сохранить ее, как исключение, лишь до 1 января 1949 года театрам, указанным в Приложении № 2.

3. Сохранить с 15 марта 1948 года дотацию из государственного бюджета на 1948 год театрам, согласно Приложению № 3.

4. В соответствии с пунктами 1, 2, 3 настоящего Постановления уменьшить на 1948 год дотацию по государственному бюджету театрам с 735 млн. рублей до 312 млн рублей”.

Этим печально известным решением размер дотации театрам был уменьшен более чем в два раза. 11 месяцев спустя, вдогонку, выходит еще одно Постановление Совета Министров СССР (№ 560 от 6 февраля 1949 г.), которым годовая сумма дотации театрам сокращается до 154,9 млн рублей, то есть еще в два раза. Последствия этих “сталинских ударов” ощущались длительное время. “Снятие с государственной дотации и перевод на полную самоокупаемость” привели к закрытию многих театров, сеть которых к середине 1950-х гг. сократилась почти вдвое.

Потребовались долгие годы, громадные усилия и еще большие ресурсы для восстановления российской театральной культурой утраченных позиций. Так, 30 лет спустя, в 1985 г. общая посещаемость российских театров составила без малого 70 млн зрителей или около 500 посещений на 1000 россиян. Примерно такая же ситуация сложилась в филармонической деятельности: в том же 1985 г. посещаемость концертов классической музыки составила 90 млн слушателей и почти 650 посещений в расчете на 1000 жителей России. Успешными можно считать и результаты музейной деятельности: 78 млн посетителей и около 550 посещений в расчете на 1000 россиян. Высокие показатели к началу перестройки были характерны и для просветительской деятельности: книговыдача в российских библиотеках достигла в 1985 г. уровня 9,5 тыс. на 1000 жителей, и более 1,5 тыс. посещений на 1000 жителей составила посещаемость клубных учреждений.

История, действительно, имеет значение. И в этом контексте следует проанализировать культурную деятельность в минувшее тридцатилетие – с 1985 по 2014 г.

Исходные данные

Речь идет о показателях развития сферы культуры и деятельности организаций культуры, подведомственных Министерству культуры Российской Федерации, тридцатилетние временные ряды которых (1985–2014 гг.) заимствованы из архива Государственного института искусствознания (ГИВЦ), включая следующие материалы ведомственной статистики: “Основные показатели развития отраслей культуры за 1985 г.” (М., 1986); “Основные показатели развития отраслей культуры за 1989–1990 годы” (М., 1991); “Экономические показатели деятельности театров и концертных организаций РСФСР за 1985, 1990 годы” (М., 1991, ч. I. Выпуск XXIV); “Показатели деятельности библиотек за 1990–1991 годы” (М., 1992); “Показатели культурно-просветительских учреждений за 1990–1991 годы” (М., 1992); “Показатели деятельности культурно-просветительских учреждений за 1985–1990 годы” (М., 1991).

Данные о деятельности организаций культуры с 1995 по 2012 г. включительно содержатся в ежегодных статистических сборниках, публикуемых ГИВЦ Министерства культуры РФ “Театры Российской Федерации в цифрах”; “Концертные организации и коллективы, цирки в цифрах”; “Музеи и зоопарки Российской Федерации в цифрах”; “Общедоступные библиотеки Российской Федерации в цифрах”; “Учреждения культурно-досугового типа Российской Федерации, парки культуры и отдыха в цифрах”.

Показатели финансирования культуры и искусства за период с 1991 по 2012 г. рассчитаны на основе данных, публикуемых в Российском статистическом ежегоднике в разделе “Финансы” (государственные финансы/расходы консолидированного бюджета РФ на социально-культурные мероприятия), а также на основе данных об исполнении консолидированного бюджета РФ, публикуемых на сайте Федерального казначейства. Данные о бюджетном финансировании культуры и искусства в субъектах РФ приведены из раздела “Статистика” (сведения по консолидированному бюджету) на сайте Министерства культуры России.

Театры. Театр без зрителя не существует – это довольно банальная максима. Но, к великому сожалению, следует констатировать, что за последние 30 лет их посещаемость резко снизилась. **Общий объем потребления театральных услуг сократился более чем в два раза, с 70 млн посещений в 1985 г. до 33 млн в 2012 г.** (см. рис. 1). Неблагоприятна картина и по индикатору посещаемости в расчете на 1000 жителей: его уровень также снизился более чем в два раза: с 487 посещений в 1985 г. до 234 в 2012 г. (см. рис. 2).

Российское театральное искусство подошло к опасной черте, когда риски прохождения точки невозврата существенно выросли. При этом можно выделить две волны падения посещаемости. Первая – 1985–1995 гг., когда в течение только одного де-

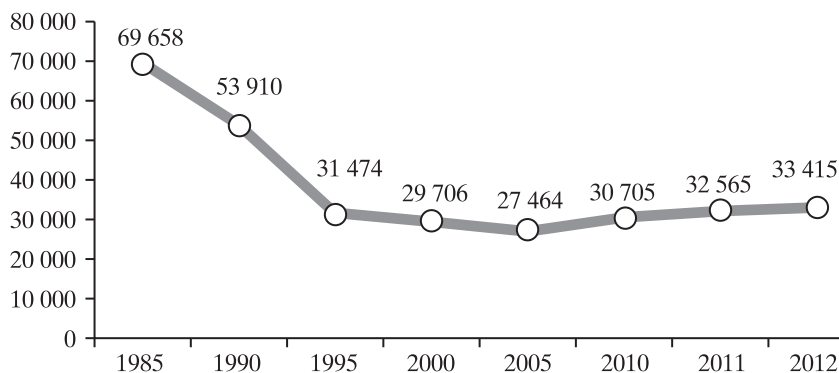

Рис. 1. Общее число посещений театров (тыс.).

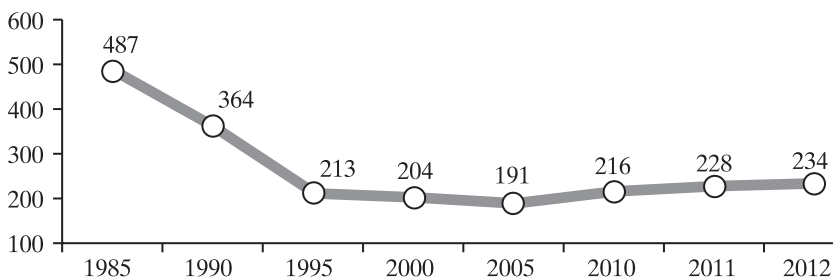

Рис. 2. Количество посещений театра на 1000 жителей (ед.).

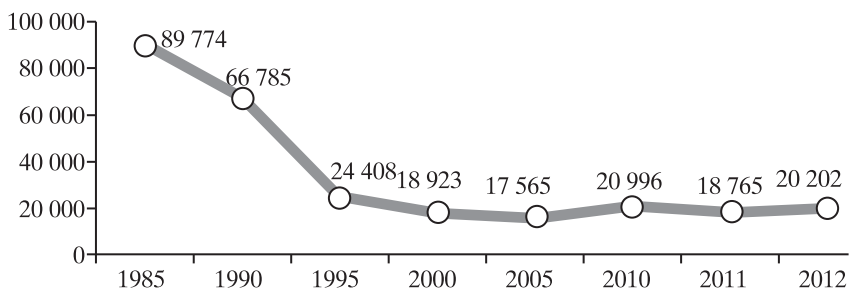

Рис. 3. Общее число концертных посещений (тыс.).

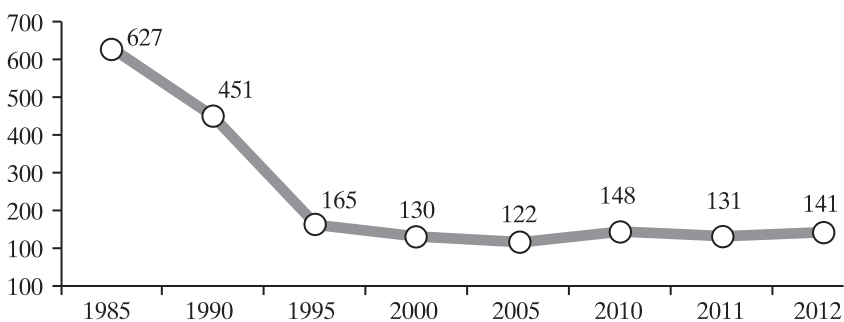

Рис. 4. Количество посещений концертов на 1000 жителей (ед.).

десятилетия посещаемость театров сократилась в 2,3 раза: с 487 до 213 посещений на 1000 жителей. За ней последовала и вторая волна, отмеченная снижением посещаемости с 213 в 1995 г. до 191 посещения в 2005 г. И лишь после 2005 г. намечился некоторый перелом этой негативной тенденции: одно-трехпроцентный рост посещаемости театров. Однако восстанавливать потери и возвращать зрителей в театральные залы всегда труднее. Это требует весьма значительных ресурсов. Следует подчеркнуть, что и отмеченный небольшой рост посещаемости, как в абсолютном, так и в относительном выражении, после двух десятилетий отрицательной динамики, был обеспечен увеличением объемов бюджетного финансирования сферы культуры и искусства в Российской Федерации.

Концертные организации. Показатели концертных организаций и самостоятельных коллективов демонстрируют еще более драматическую ситуацию: **посещаемость концертов классической музыки снизилась почти в 4,5 раза!** Так, совокупный объем посещений филармонических концертов в эти годы сократился с 90 млн в 1985 г. до 20 млн в 2012 г. (см. рис. 3). Такую же сугубо негативную динамику демонстрируют и относительные показатели приобщения населения к классической

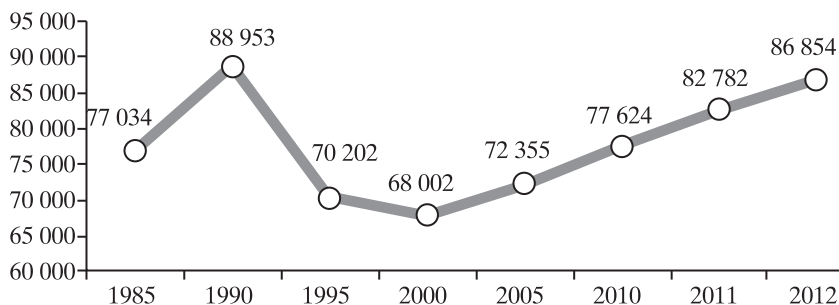

Рис. 5. Количество музейных посещений (тыс.).

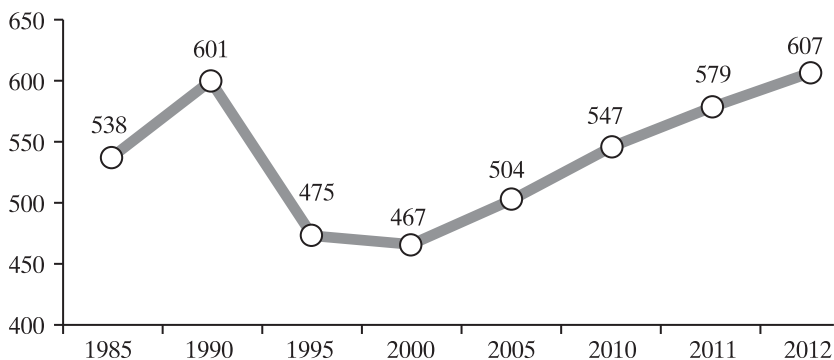

Рис. 6. Количество музейных посещений на 1000 жителей (ед.).

музыке: из 627 посещений филармонических концертов на 1000 жителей 1985 г. осталось только 141 в 2012 г. (см. рис. 4).

В эти десятилетия радикальных преобразований в политической, организационной и экономической сферах страны исполнительские искусства испытали уже упомянутые выше две волны уменьшения своей аудитории, сжимавшейся как “шагреновая кожа”. Первая волна (1985–1995 гг.) сопровождалась четырехкратным падением посещаемости филармонических концертов; вторая (1995–2005 гг.) вызвала еще полуторократное снижение. При этом, как и в театрах, с 2005 г. отметилась едва заметная и очень неустойчивая тенденция к росту. И после 148 посещений на 1000 жителей в 2010 г. последовало сокращение до 131 в 2011 г. Здесь также можно говорить о трудновосполнимых и дорогостоящих потерях.

Музеи. Ситуация с посещаемостью музеев выглядит чуть оптимистичнее, хотя по уровню общего потребления музейных услуг провал 1990-х гг. и первого десятилетия 2000-х гг. до сих пор не преодолен. Так, совокупный **объем музейных посещений в 1990 г. составил почти 90 млн, а в 2012 г. – более 86,5 млн** (см. рис. 5). При этом уровень посещаемости музеев в расчете на 1000 жителей достиг в 2012 г. отметки в 607, что незначительно превышает уровень 1990 г. с показателем посещаемости, равным 601 посещению на 1000 жителей (см. рис. 6).

И здесь с 1990 по 2000 г. отмечена тенденция к сокращению посещаемости музеев. Только с 2000 г. произошло переключение на положительную динамику. Однако вплоть до 2012 г. все еще доминировала тенденция догоняющего развития. И только в 2012 г. российским музеям удалось выйти на уровень посещаемости 1990 г. Если же включить в анализ деятельности музеев показатель средней посещаемости (в расчете на один музей), то в 1985 г. он составил 83,7 тыс. посещений на один музей, тогда как в 2012 г. лишь 34,0 тыс. посещений. Иначе говоря, средний объем посещения в расчете на один музей сократился почти в 2,5 раза. И нет признаков изменения этой тенденции.

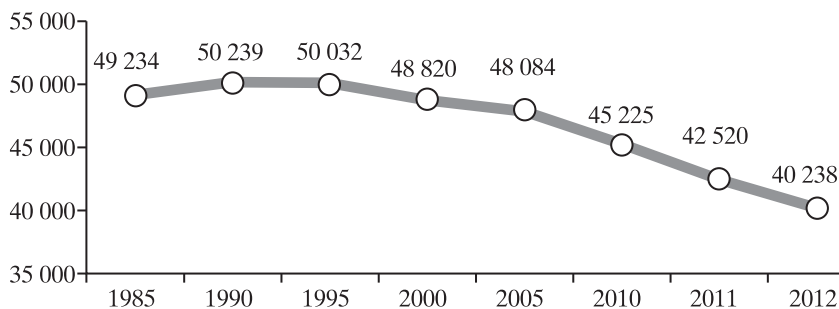

Рис. 7. Количество библиотек (ед.).

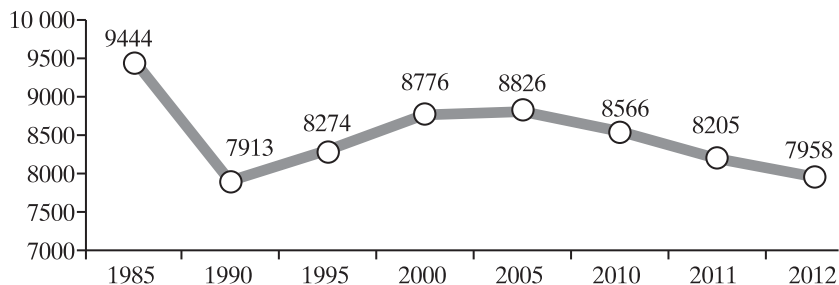

Рис. 8. Книговыдача на 1000 жителей (ед.).

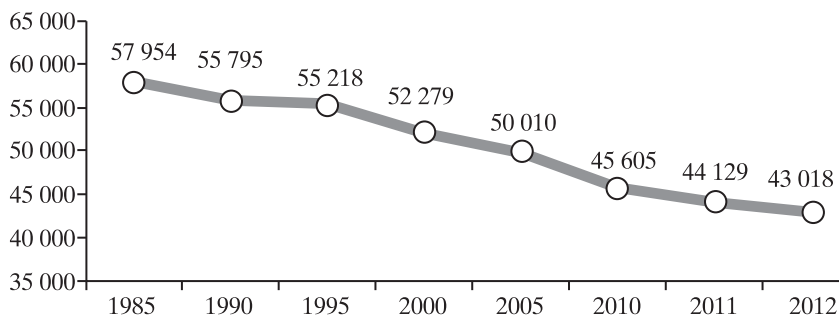

Рис. 9. Сеть культурно-досуговых учреждений (ед.).

Библиотеки и культурно-досуговые учреждения. Наверное, наибольший урон в последнее тридцатилетие понесли культурно-просветительские учреждения – библиотеки и клубы. Так, даже **общее количество библиотек в этот период сократилось на 9 тыс. единиц:** с 49 234 в 1985 г. до 40 238 в 2012 г. (см. рис. 7). На фоне такого беспрецедентного уменьшения библиотечной сети закономерно снизился и уровень потребления библиотечных услуг, измеряемый показателем книговыдачи на 1000 жителей (см. рис. 8). В 1985 г. этот показатель был на уровне 9444 книги на 1000 жителей, а в 2012 г. – 7958 книг, то есть падение относительного объема потребления за рассматриваемый период составило почти 1500 единиц.

Такая же “рукотворная” динамика характерна и для клубных учреждений, сеть которых сократилась за этот период во всех ведомствах. Общее количество культурно-досуговых учреждений снизилось почти на 15 тыс. единиц: с 57 954 клубов в 1985 г. до 43 018 в 2012 г. Упала и их посещаемость (см. рис. 9, 10).

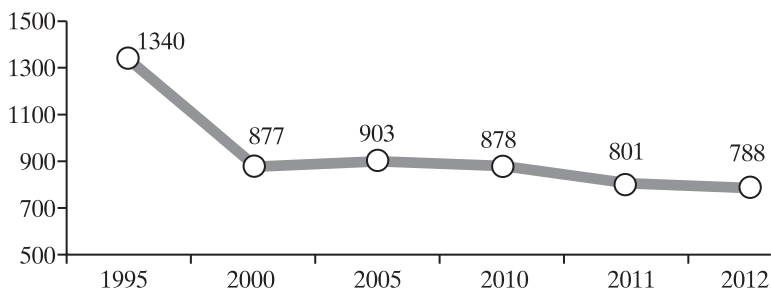

Рис. 10. Количество посещений досуговых учреждений на 1000 жителей (ед.).

Данные по количеству посещений культурно-досуговых учреждений имеются только с 1995 г., поэтому не представляется возможным сравнить деятельность культурно-досуговых учреждений с советскими временами. Однако даже в семнадцатилетний период, с 1995 по 2012 г., посещаемость культурно-досуговых учреждений упала в 1,7 раза: с 1340 посещений на 1000 жителей в 1995 г. до 788 посещений в 2012 г. (см. рис. 10).

О тенденции снижения потребления культурных благ

Общий анализ статистических данных свидетельствует, что в минувшее тридцатилетие, в период системных преобразований, модернизаций и оптимизаций, сформировалась явно выраженная понижательная динамика потребления культурных благ. При этом наряду с очевидным недофинансированием культуры есть и другие причины, определившие такую динамику. Одна из них состоит в том, что снижение посещаемости театров, филармонических концертов, библиотек и клубов обусловлено **сокращением спроса на эти виды культурных благ, вызванным расширением разнообразия возможностей проведения досуга в России и усиливающейся конкуренцией за свободное время и деньги населения.**

Распространение массовой культуры при одновременном росте домашних форм потребления искусства – развитие телевидения в 1970-е гг., аудио- и видеопродуктов в 1980-е гг., компьютерных игр, Интернета и социальных сетей в конце XX и начале XXI столетия, представляет собой фундаментальный тренд, определивший снижающуюся динамику потребления “живого искусства” в России и в развитых европейских странах [Рубинштейн, 2013, с. 20]. И хотя в подобном снижении посещаемости наша страна лишь “догнала” развитые страны Европы, в которых эта тенденция проявилась раньше, медленнее и мягче, темпы падения потребления культурных благ оказались настолько высокими, что уже к концу XX в. Россия фактически утратила то лидирующее положение, которое она занимала в советское время. Отмеченный выше небольшой рост в последнее десятилетие общую ситуацию не изменил. Это легко заметить на примере посещений театра (см. рис. 11).

Два “великих цивилизационных процесса” – глобализация и быстрое распространение компьютерных и информационно-коммуникационных технологий – принципиально трансформировали институциональную среду, изменив ценностные ориентации и нормы поведения в российском обществе, влияющие на художественные предпочтения и спрос на культурные блага. При этом особенность России, традиционно ориентированной на ценности искусства, превращает динамику падения в достаточно тревожный сигнал. Если общество останется “нейтральным” к такому положению дел и не предпримет осознанных действий, направленных на коррекцию культурного поведения, наша страна может потерять один из своих стратегических ресурсов, обеспечивающих рост ее человеческого капитала.

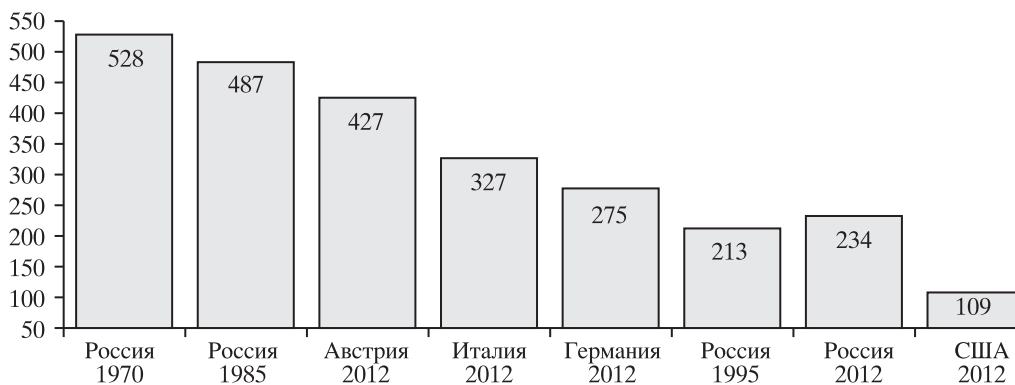

Рис. 11. Количество посещений театра на 1000 жителей (ед.).

Снижение уровня потребления культурных благ в России, с ее огромной территорией, суровым климатом, низкой плотностью населения на большей ее части, чревато и другой “неприятностью”. Речь идет о региональной дифференциации и возрастающем неравенстве в доступности и потреблении культурных благ.

Региональные диспропорции и неравенство

Понятно, что абсолютного равенства в приобщении населения к ценностям культуры во всех регионах России быть не может, да и вряд ли это кому-то нужно. Культурная деятельность имеет свои особенности в пространственном распространении. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на критически высокие региональные диспропорции, сформировавшиеся за последние три десятилетия. Так, в 2012 г. самый высокий уровень посещаемости театров был отмечен в Москве и Санкт-Петербурге – соответственно, 594 и 568 посещений на 1000 жителей, а самый низкий – в Чеченской Республике с уровнем посещаемости, равным 34,6 посещений на 1000 жителей. Иначе говоря, уровень региональной дифференциации посещаемости театров в расчете на 1000 россиян в 2012 г. превысил семнадцатикратную границу.

В посещаемости концертных организаций и самостоятельных коллективов также прослеживаются очевидные региональные различия. В 2012 г. максимальный уровень посещаемости концертных организаций был отмечен в Белгородской области – 800 посещений на 1000 жителей, а минимальный – в Алтайском крае с уровнем посещаемости 46 посещений на 1000 жителей. То есть неравенство в приобщении населения к классической музыке также превысило семнадцатикратный уровень. Показатели посещаемости музеев демонстрируют еще более высокую дифференциацию: число посещений музеев на 1000 жителей в Карачаево-Черкесской Республике в 2012 г. было ниже, чем в столичных городах, более чем в 65 раз!

“У кого есть, у того будет и приумножится, у кого нет – отнимется и то, что есть”. Эта евангелическая максима от Матфея как нельзя лучше характеризует процесс трансформации неравенства в потреблении культурных благ в диспропорции финансирования российских регионов. Так, доля расходов на культуру и искусство в валовом региональном продукте (ВРП) в 2012 г. варьировалась в диапазоне от 0,38% в Челябинской области (без учета значений автономных округов) до 2,77% – в Чеченской Республике. А доля расходов на культуру в расходах консолидированных бюджетов субъектов РФ продемонстрировала разброс значений в том же 2012 г. от 1,98% в Карачаево-Черкесской Республике до 5,34% в Республике Мордовия.

При этом в 34 регионах доля расходов на культуру в расходах консолидированных бюджетов субъектов РФ была ниже среднероссийского уровня. Еще большее неравен-

ство в 2012 г. наблюдалось по другому показателю ресурсной обеспеченности культурной деятельности: в 53 регионах России расходы на культуру в консолидированных бюджетах субъектов РФ в расчете на душу населения были ниже среднероссийского уровня, равного 1792 рублям на одного жителя.

Финансирование культуры

Экономическая несостоятельность большинства организаций культуры, их объективная неспособность к самокупаемости в условиях рыночных отношений, отложенный во времени социальный эффект и отсутствие сиюминутных результатов обязывают общество финансировать создание, распространение, сохранение и потребление культурных благ, обеспечивая нормальные условия для культурной деятельности [Baumol, Bowen, 1966; Baumol's Cost... 1997; Рубинштейн, 2012; Музычук, 2013]. Статистические данные свидетельствуют, что за почти 20-летнюю историю российского суверенитета расходы на культуру и кинематографию не претерпели существенных изменений как в общем объеме ВВП, так и в совокупных расходах консолидированного бюджета. Сфера культуры по-прежнему финансируется от достигнутого уровня, без учета реальных потребностей в ее поддержке и дальнейшем развитии. За период с 1991 по 2012 г. расходы на культуру и кинематографию (без учета расходов на СМИ) варьировались в диапазоне 0,4–0,7% от ВВП, а их доля в общих расходах консолидированного бюджета РФ была в пределах 1,5–1,9% (см. рис. 12, 13).

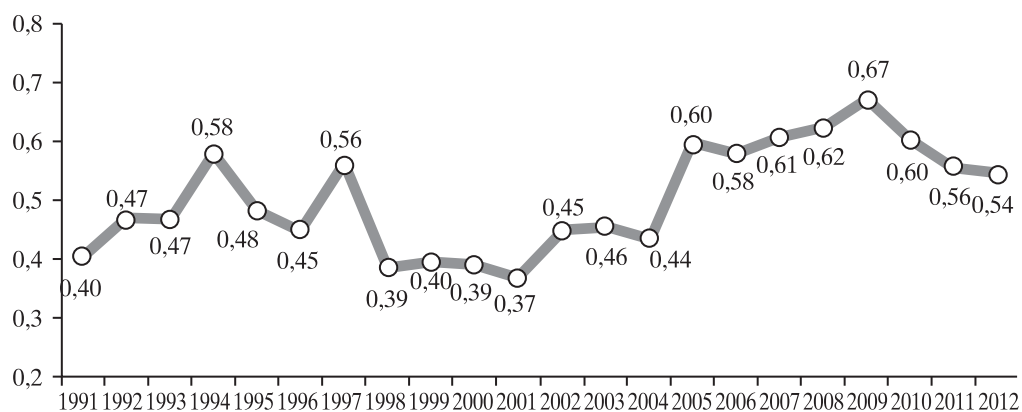

Рис. 12. Доля расходов на культуру и кинематографию в ВВП (%).

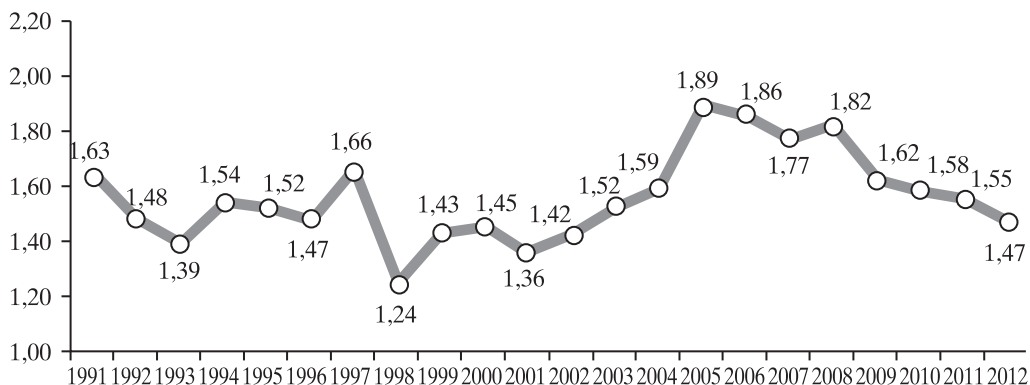

Рис. 13. Доля расходов на культуру и кинематографию в консолидированном бюджете РФ (%).

Максимальное значение расходов на культуру и кинематографию в процентах к ВВП было отмечено в 2009 г. – 0,67%. За последующие годы динамика этого показателя демонстрирует тенденцию к снижению: в 2012 г. расходы на культуру и кинематографию составили 0,54% от ВВП. Максимальное значение удельного веса этих же расходов в расходах консолидированного бюджета РФ за рассматриваемый период было отмечено в 2005 г. – 1,89%. Подчеркнем, что именно с 2005 г. наметились положительные сдвиги в динамике потребления культурных благ. Однако уже в 2007 г. произошло снижение этого показателя до 1,77%. А затем, к великому сожалению, после небольшого роста в 2008 г. на протяжении последующих четырех лет отмечается устойчивая понижительная тенденция, вернувшая культуру к прежней динамике снижающейся посещаемости. Так, в 2012 г. доля расходов на культуру и кинематографию вернулась к уровню конца 1990-х–начала 2000-х гг. и составила лишь 1,47% в расходах консолидированного бюджета РФ.

Последствия мирового финансового кризиса также не могли не сказаться на финансировании отечественной культуры. С конца 2009 г. во многих субъектах РФ наблюдалась тенденция к снижению расходов на культуру в связи с обусловленными им финансовыми затруднениями. Эти расходы оказались одними из первых, подлежащих секвестированию для обеспечения сбалансированности региональных бюджетов в рамках борьбы с бюджетным дефицитом.

По данным федерального казначейства за 2012 г., расходы из федерального бюджета на культуру оказались на 3 млрд рублей меньше, чем было утверждено в начале года, а из консолидированного бюджета субъектов РФ – на 13,8 млрд рублей ниже первоначально утвержденного объема финансовых средств. В 2013 г. ситуация с занижением первоначально утвержденных государственных расходов на культуру, к сожалению, повторилась: расходы из федерального бюджета сократились на 2,5 млрд рублей по сравнению с первоначально утвержденными значениями, а расходы из консолидированных бюджетов субъектов РФ – на 17,8 млрд рублей (см. <http://www.roskazna.ru/konsolidirovannogo-byudzheta-rf/>).

Если оценивать ситуацию с финансированием культуры в России в контексте международных сопоставлений, то наша страна занимает весьма скромное положение в перечне стран ОЭСР (см. табл.). С объемом финансирования культурного сектора в размере 0,5% наша страна сравнима с Португалией. И при всех погрешностях сопоставления расходов на культуру в расчете на душу населения контраст между Россией и странами ОЭСР особенно разителен. Из приведенной выше таблицы следует, что **по показателю подушевых расходов на культуру Россия практически замыкает перечень из 25 стран, опережая лишь Грецию и Болгарию и почти в четыре раза уступая Австрии, в три раза – Германии, в два раза – Италии.**

Культура остро нуждается в финансовых ресурсах, необходимых для воспитания новых талантов и сохранения еще имеющегося творческого потенциала, для поддержания и развития “генетического” интереса к культуре всех слоев населения и жителей всех регионов нашей большой страны. Кроме того, надо с очень большой осторожностью относиться к любым экономическим новациям, к любым мероприятиям, направленным на реструктуризацию сферы культуры и “оптимизацию” ее деятельности. Наш тяжелый исторический опыт свидетельствует, что подобные меры, почти всегда мотивированные намерением сократить бюджетные расходы, оборачиваются неоправданными потерями как для культуры, так и для всего общества.

Что можно ожидать в ближайшем будущем?

Желание сократить расходы государства на культуру входит в противоречие с объективной экономической закономерностью культурной деятельности, страдающей известным недугом, – “болезнью цен”. Выполненные исследования свидетельствуют, что обусловленный этой закономерностью дефицит дохода организаций культуры – еще один фундаментальный фактор [Рубинштейн, 2012]. Поэтому развитие культу-

**Расходы на культуру и искусство в расчете на душу населения
(евро 2002–2011 гг.)***

Страна	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Люксембург	609	675	833	1 083	852	935	936	878	918	941
Нидерланды	258	270	269	280	284	282	295	313	319	310
Дания	230	240	317	273	280	276	286	309	309	305
Швеция	184	193	196	196	220	223	225	203	228	239
Франция	165	176	182	191	222	228	237	229	229	235
Австрия	161	160	174	180	185	231	209	220	217	222
Финляндия	136	139	145	149	153	164	175	184	189	200
Словения	120	123	124	133	141	148	172	178	184	179
Испания	99	111	116	130	142	165	179	158	157	157
Ирландия	130	126	133	138	153	169	189	171	155	155
Эстония	74	87	102	123	131	152	189	156	142	152
Германия	124	124	122	123	124	131	131	134	138	146
Чехия	60	62	64	72	84	90	105	115	119	116
Латвия	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	116	137	107	99	111
Мальта	52	50	64	50	53	56	68	80	90	102
Италия	90	97	101	104	97	104	107	115	100	100
Кипр	51	57	59	63	66	70	79	88	84	90
Великобритания	114	117	117	129	130	129	115	99	103	90
Португалия	66	59	65	77	66	69	72	74	76	79
Венгрия	75	65	66	69	71	75	82	75	79	77
Польша	41	33	36	46	55	63	83	64	67	65
Литва	25	29	30	42	50	61	77	70	58	63
Россия	н/д	12	12	26	33	39	42	44	47	54
Греция	22	26	25	26	40	43	50	59	45	48
Болгария	7	10	11	12	13	16	20	17	18	21

* Рассчитано на основе статистической базы данных Евростата (http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/government_finance_statistics/data/database).

ры и ее потенциала, положительная динамика объемов производства и потребления культурных благ требуют постоянного роста реальных государственных расходов на культуру, по крайней мере, пропорционально росту ВВП.

Можно считать статистически доказанным факт снижения за последние 30 лет уровня приобщения населения к ценностям культуры и искусства. От того, сохранится ли эта тенденция в будущем, существенно зависят и прогнозные оценки экономических результатов деятельности организаций культуры. Необходимо понять, в частности, достигнута ли уже нижняя граница потребления культурных благ либо это продолжающийся процесс, который мы наблюдаем в течение последних 30 лет. Без каких-то качественных предположений здесь не обойтись.

Назовем, по крайней мере, три фактора, которые могут определять в будущем динамику посещаемости. Первый из них непосредственно связан с отмеченным выше глобализационным трендом изменения ценностных ориентаций и норм поведения в российском обществе, влияющих на художественные предпочтения и относительные размеры аудитории потребителей культурных благ. Второй фактор – демографический. Негативные тенденции последних десятилетий и существующие демографические прогнозы заставляют считаться с возможностью снижения численности активной части населения. Третий фактор характеризует структурную составляющую. Речь идет о количественных и, главное, структурных изменениях сети производителей культурных благ, сопровождающихся ростом численности занятых в условиях сокращающегося

зрительского спроса. Предполагать сохранение такой ситуации и в будущие периоды вряд ли целесообразно.

Для построения более точных прогнозов динамики потребления культурных благ нужны дополнительные междисциплинарные исследования, включая социологический, культурологический, демографический и экономический анализ указанных факторов. Пока же для целей настоящей работы можно ограничиться следующими предположениями. Думается, что действующие в предыдущие 30 лет процессы изменения спроса на культурные блага под влиянием глобализационного тренда и структурных сдвигов в художественном предложении, сопровождающиеся увеличением численности занятых, себя исчерпали или почти исчерпали. Можно ожидать, что в самой недалекой перспективе сформируется устойчивая структура спроса и наступит инфраструктурная стабилизация. Что же касается демографии, то здесь пока не предвидится изменений существующей тенденции. Учитывая это, можно ожидать, что потребление культурных благ по-прежнему будет зависеть от демографической динамики.

Построенная ранее эконометрическая модель “болезни цен” в подавляющем большинстве случаев предсказывает повышательную динамику удельного дефицита дохода российских организаций культуры. Следует обратить особое внимание на одно из следствий этой модели – сверхинфляционный рост цен на культурные блага приводит не только к сокращению объема их потребления и неоправданному увеличению неравенства в обеспеченности ими населения, но и к росту дефицита доходов организаций культуры, к необходимости увеличения государственных расходов на культуру [Рубинштейн, 2013, с. 43].

Сделаем еще одно замечание общего характера. Генетическая природа “болезни цен”, порождающей дефицит доходов организаций культуры, и негативные последствия его недостаточной компенсации за счет бюджетных субсидий указывают на риски трансформаций дефицита дохода в “художественный дефицит”. Речь идет о нежелательных качественных изменениях в предложении культурных благ, появлении и распространении культурных суррогатов. Возникающие в этом случае потери носят долговременный и трудновосполнимый характер. Поэтому подчеркнем – культурная политика государства должна считаться с тем, что затраты на устранение “художественного дефицита” превосходят, как правило, порождающий их дефицит дохода.

Здесь уместно привести высказывание американского культуролога и экономиста П. Димажио: “Правительству необходимо мужество и мудрость, чтобы взять на себя поддержку тех областей культуры, которые не могут рассчитывать ни на коммерческий успех, ни на помощь частной филантропии” [Выживет ли... 1996, с. 63]. Заметим, что за этим, по сути, доброжелательным отношением к культуре и эмоциональными словами скрываются привычное недопонимание реального положения дел и недооценка истинной ценности культурных благ, обладающих социальной полезностью. Способность этих особых товаров и услуг удовлетворять важнейшие потребности общества требует от правительства не мужества и даже не мудрости, а просто рационального поведения экономического субъекта, стремящегося реализовать свои интересы [Гринберг, Рубинштейн, 2013, с. 309–311].

В контексте данного вывода следует рассматривать не только текущую государственную активность, но и любые интенции правительства, направленные на модернизацию сложившейся системы. С указанных позиций имеет смысл оценивать прошлые реформы и предстоящие новации. В этом контексте целесообразно рассматривать и стремление власти к сокращению расходов на культуру, которое можно признать рациональным только в случае сознательной смены приоритетов, то есть в ситуации, при которой общество декларирует снижение настоятельности своих потребностей, а тем самым и социальной полезности культурной деятельности. Учитывая это, можно утверждать, что единственный мотив сокращения государственных расходов на культурную деятельность – стремление к свертыванию производства культурных благ в соответствии со снижением потребности в них общества.

Приведем в связи с этим слова другого авторитетного специалиста в области культурной политики, С. Манди: «В большинстве современных государств культура располагается в самом низу лестницы приоритетов (хотя в прошлом она часто занимала второе место после обороны). Складывается такое впечатление, будто затраты на культурное здоровье общества идут вразрез с расходами на телесное здоровье граждан. Критики инвестиций в культуру очень любят заявлять, что средства, направленные, например, на развитие оперы, можно было потратить на покупку аппаратов “искусственная почка” или на открытие новых детских больниц. Эта антитеза насквозь фальшива, хотя и бьет на эмоции. Гораздо логичнее сравнивать роскошь с необходимостью, то есть, к примеру, затраты на очередную бессмысленную реконструкцию учреждений, занимающихся организацией дорожного движения, с расходами на здравоохранение, а ассигнования на военные парады с финансированием оперы» [Культурная... 2002, с. 41].

Не будем искать примеры подобного рода у нас в стране. Не надо даже напрягаться, чтобы увидеть эти бессмысленные реконструкции, военные и спортивные парады, сравнив их с культурным наследием, многие памятники которого находятся в критическом состоянии. Дело не в примерах и сравнениях. Существенно больше должна заботиться сама “фальшивая антитеза” и то, почему она возникает, почему организациям культуры приходится убеждать в том, с чем и так все согласны, доказывать свою полезность, прибегая порой к таким демагогическим приемам, как сравнение с “роскошью”. Другой путь – **формирование благоприятной институциональной среды, в основе которой должны лежать “Закон о культуре” и государственная культурная политика.**

О государственной культурной политике

Наука давно знает, что расходы на культуру нельзя рассматривать как бремя государства и его безвозвратные траты. **Удовлетворение потребностей общества, связанных с интеллектуальными достижениями и ростом человеческого капитала, – это та отдача, которая превращает расходы на культуру в инвестиции в человека.** Поэтому доминантой современной культурной политики должны быть формирование эффективной культурной среды и рост человеческого капитала с помощью адекватных бюджетных расходов. Без этого любые призывы к “честности, правдивости, законопослушанию, любви к Родине, бескорыстию, неприятию насилия, воровства, клеветы и зависти, семейным ценностям, целомудрию, добросердечию и милосердию, верности слову, почитанию старших, уважению честного труда”, как, например, в проекте “Основ государственной культурной политики” (см. “Российская газета”, 16 мая 2014 г.), останутся только призывами. А сложившаяся в последние 30 лет негативная тенденция в приобщении населения России к ценностям культуры будет и дальше содействовать с “художественным дефицитом” – распространением культурных суррогатов, коверкающих вкусы и пристрастия наших соотечественников.

Следует констатировать, что в последние два десятилетия развитие культуры было сведено к отдельным программам и проектам, к раздаточному механизму ограниченных бюджетных средств. В сложившихся условиях культурная деятельность зависит уже не только и не столько от министерства культуры, сколько от других органов исполнительной власти, преследующих свои ведомственные цели и зачастую лоббирующих принятие нелояльных по отношению к культуре законодательных актов. Отложенный во времени социальный эффект культурной деятельности вообще и подобной политики в частности не позволял вовремя оценить последствия для развития страны ослабления ее культурного и, соответственно, человеческого потенциала. В результате культурная политика выпала из стратегии развития государства. Нынешняя ситуация настоятельно требует радикального изменения сложившегося положения вещей и разработки культурной политики, адекватной задачам модернизации всех сфер общества.

Для решения данной принципиальной задачи нужна стратегия, адаптированная к современным экономическим и социальным условиям и содержащая как долгосрочные, так и текущие цели, приоритетные направления развития культуры и средства, требуемые для их реализации. В связи с этим необходимо переосмыслить основополагающие понятия культурной политики, ревизовать и обновить правовые основания ее осуществления, определить эффективные организационные и экономические механизмы, а также социальные технологии, способные синтезировать усилия государства и гражданского общества в улучшении культурной среды и повышении культурной активности.

Следует особо подчеркнуть, **что стратегические направления культурной политики государства не могут определяться, исходя из рыночной конъюнктуры или из “общих соображений”**. Будучи определенным отражением интересов общества, они формируются в процессе политического дискурса. Причем в меру развитости общества и его политической системы эти интересы вбирают в себя весь спектр культурных потребностей, основанных на социально одобряемых ценностях и этических нормах, идеях справедливости и целесообразности, иных социальных установках. В латентной форме текущие и долгосрочные цели развития культуры *существуют в виде “экспертного знания”* у определенной части общества. Речь идет о тех, кто способны осознать эти интересы, кого Платон называл “философами” [Платон, 1971, с. 275], Р. Масгрейв относил к “информированной группе людей” [Musgrave, 1969, p. 16], а К. Шмидт – к “политикам” [Schmidt, 1988, S. 384], включая тех, кому остальная часть населения передала в “траст” свои голоса и доверила заботиться об общем благосостоянии.

Выявление этого “экспертного знания” и формулировка на его основе стратегических направлений развития культуры были главной задачей комплексного исследования “Цели и приоритеты культурной политики современной России: мнения экспертов”, выполненного Институтом социологии РАН, Институтом экономики РАН и Государственным институтом искусствознания министерства культуры РФ в конце 2013 г. Речь идет об опросе экспертов, позволяющем интегрировать мнения отдельных респондентов в репрезентативное экспертное знание о том, как и по каким стратегическим направлениям должна развиваться отечественная культура.

В опросе приняли участие видные деятели культуры и искусства – члены Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству, эксперты межведомственной комиссии по направлению “Современная культурная политика и развитие творческих инициатив”; представители федеральных органов исполнительной власти и руководители субъектов Российской Федерации; руководители региональных министерств и департаментов культуры, руководители учреждений культуры, ведущие ученые в сфере культуры и культурной политики, ректоры вузов культуры и руководители СМИ, представители общественных организаций, в том числе Общественной палаты РФ. В целом в опросе участвовали 125 экспертов, которые представляют 8 федеральных округов РФ и 21 регион России.

Результаты опроса экспертов

Отметим, что обработка ответов экспертов еще не завершена. Поэтому для целей настоящей статьи мы воспользовались лишь предварительными результатами, основанными на оценке только линейных распределений ответов респондентов на вопросы анкеты.

В чем же эксперты видят главную проблему, препятствующую развитию современной российской культуры? На первое место вышла **“недооценка стратегической значимости культуры для успешной модернизации общества и экономического роста со стороны властных элит”**. Более 80% респондентов признали необходимость кардинального пересмотра отношения к культуре со стороны государства, и прежде всего экономических ведомств, на федеральном и региональном уровнях.

При этом девальвация ценностных установок в отношении культуры часто связывается со снижением общего уровня политической и экономической элиты.

Еще одна претензия экспертного сообщества – **нескоординированность действий министерства культуры и тех министерств и ведомств, которые так или иначе воздействуют на культурную жизнь страны.** Тема настолько остра, что более 60% респондентов считают нужным реформировать структуру управления сферой культуры, объединив в одном ведомстве все необходимые для этого функции, обеспечив одновременно “защиту” культуры от избыточного влияния экономических ведомств. При этом около 55% экспертов указывают на необходимость координации усилий органов государственной власти, бизнес-сообщества и институтов гражданского общества. Почти половина опрошенных деятелей культуры и искусства предлагают расширить полномочия институтов гражданского общества, в том числе общественных советов по координации управленческих усилий в сфере культуры.

Резкое неодобрение экспертов вызывает **законодательная база культуры.** Большинство из них высказались за безотлагательное принятие нового закона о культуре, который, как написал один из региональных руководителей, “четко регламентировал бы отношение всех органов власти к учреждениям и организациям культуры, гарантировал бы обязательства государства перед гражданами в обеспечении услугами в сфере культуры с четко прописанным механизмом ответственности должностных лиц за несоблюдение нового закона о культуре”.

Одной из самых болезненных тем, волнующих общество, стало **отторжение значительной части молодежи от традиционной отечественной культуры и от культуры вообще.** В оценке экспертов эта позиция заняла ведущее место по значимости среди самых острых проблем развития культуры. Целенаправленная работа по ее решению должна стать продуктивной “зоной роста”, где нужно сконцентрировать усилия государства, бизнеса и общества. Около 90% экспертов высказались за введение системы бесплатных услуг в сфере культуры для детей и юношества – прежде всего в регионах; более 70% предлагают разработать специальные программы для подростков и молодежи по участию в работе учреждений культуры, в реализации значимых культурных проектов, в том числе собственных; около 80% указывают на необходимость включения культурного компонента в образовательные программы всех уровней, а каждый десятый эксперт считает целесообразным ввести предмет “Основы культуры” в число вступительных экзаменов в вузы; почти все эксперты полагают целесообразным воссоздание в стране системы домов культуры, дворцов детского творчества.

Особая роль в бытовании культуры, по мнению экспертов, принадлежит средствам массовой информации, способным обеспечивать трансляцию культурных ценностей и норм поведения, формирование культурных потребностей и художественного вкуса населения, становление гражданского общества и сохранение единства страны. При этом опрос продемонстрировал явную озабоченность экспертов, которая проявилась в **критической оценке направленности и механизмов влияния государства на современную информационную среду.** Большинство из них – более 60% – указывают на сложившуюся в последние 20–25 лет негативную тенденцию распространения культурных суррогатов, коверкающих вкусы и пристрастия наших соотечественников.

Абсолютное большинство экспертов, отмечая ключевую роль Интернета и его мощный позитивный потенциал, в основе которого лежат почти безграничные информационные ресурсы и эффективные цифровые технологии, указывают на **явную загрязненность блогосферы, деформирующую культурную среду.** Более 80% экспертов акцентировали внимание на необходимости определения эффективных форм и средств повышения качества контента в медийно-информационной среде и Интернете, исключая еще не изжитую практику административных запретов; 95% предлагают расширить систему государственного заказа социально значимых информационно-культурных программ; 86% выступают за принятие специальной государственной программы создания интернет-ресурсов, обеспечивающих свободный доступ к культурному наследию и достижениям современного искусства.

Особую озабоченность экспертного сообщества вызывают **существующие региональные диспропорции и неравенство в обеспеченности населения культурными благами, нарушающие конституционное право граждан на равный доступ к культурным ценностям**. Эта проблема стоит особенно остро и занимает одно из ведущих мест в перечне проблем, препятствующих развитию российской культуры. За ее немедленное решение высказались 88% респондентов. Причем почти все из них связывают решение этой – одной из самых насущных – проблемы с изменением механизмов финансирования культурной деятельности.

Культурную политику государства, по мнению экспертов, невозможно рассматривать без ее экономической составляющей. Большинство экспертов согласилось с тем, что должны быть сформулированы **государственные гарантии финансовой поддержки культурной деятельности, имеющие различную форму обязательств и охватывающие три типа ее участников**. Требуется зафиксировать государственные обязательства перед: 1) потребителями культурных благ; 2) работниками государственных и муниципальных учреждений культуры; 3) непосредственно перед этими организациями. Более 80% экспертов считают необходимым законодательное восстановление бюджетных нормативов финансирования культуры. При этом 60% респондентов определяют долю расходов на культуру в федеральном бюджете в пределах 2–5%. В региональном и местном бюджетах на уровень более 5% подняли планку расходов практически все эксперты.

Отвечая на предложенный вопрос о целесообразности введения в России “Института индивидуальных бюджетных назначений”, предусматривающего **право каждого налогоплательщика самостоятельно управлять небольшой частью бюджетных средств равной примерно 2% от суммы уплаченного им налога, направляя их на поддержку тех или иных видов культурной деятельности**, почти все эксперты – более 80% – высказались положительно. При этом более 15% респондентов указали, что они не воспользовались бы таким правом. Поддержали они и формулу “тратить, не растрачивая, накапливать”, предполагающую комбинацию индивидуальных бюджетных назначений с другим институтом гражданского общества – эндаумент-фондами (фонд целевого капитала). Речь идет о формировании фондов целевого капитала для поддержки различных видов культурной деятельности (театра, филармонической музыки, цирка, музеев, библиотек, кинематографа, сохранения материального и нематериального культурного наследия, образования в сфере культуры и т.п.) и направлении в указанные фонды поступлений от индивидуальных бюджетных назначений. Такие ежегодные взносы будут сохраняться и накапливаться в соответствующих эндаумент-фондах, обеспечивая возрастающий текущий доход от целевого капитала, направляемый на поддержку культурной деятельности.

Понятно, что финальная обработка ответов экспертов может несколько изменить предварительные результаты и, что особенно важно, выявить явные и неявные корреляции в мнениях респондентов, позволяющие выполнить более глубокий анализ результатов экспертного опроса. Не следует думать также, что проведенный экспертный опрос выявил истину в последней инстанции. Как и всякое экспертное знание, он лишь обозначил возможные направления культурной политики нашего государства в данной конкретной ситуации. Их обсуждение и осмысление помогут найти взвешенное решение и социально одобренное определение долгосрочных целей развития культуры, оценить необходимые ресурсы для достижения поставленных целей и последствия их достижения.

* * *

Экономическая несостоятельность организаций культуры и объективная необходимость их финансовой поддержки стали, к сожалению, тем слабым местом в общественном организме, где удобно расселяются “болезнетворные вирусы”, сопутствующие культурной деятельности. Именно они вызывают как “синдром иждивенчества” – понижение тонуса рыночной активности самих организаций культуры, так и “реакцию

Зверева–Кудрина”¹ – своего рода “бюджетный спазм”, сопровождающийся повышением давления экономических ведомств с требованием сокращения государственной поддержки. Не следует думать, что этого можно избежать и другое правительство будет лучше. В силу зависимости от бюджетных средств организации культуры навсегда принадлежат к группе риска, в патогенной среде которой развивается такая болезненная реакция.

Вновь обратимся к истории. Как мы уже отмечали, Постановления Совета Министров СССР № 537 от 4 марта 1948 г. и № 560 от 6 февраля 1949 г. привели к сокращению сети театров. 33 года спустя в Совет Министров СССР была направлена записка В. Гарбузова (№ 05/142–5 от 20.12.82), в которой тогдашний министр финансов СССР снова вернулся к “комплексу мер, направленных на ликвидацию в ближайшие 2–3 года убыточности театрально-зрелищных предприятий и концертных организаций”.

А еще через 20 лет министр финансов демократической России А. Кудрин и руководитель казначейства Т. Нестеренко провозгласили свою версию сокращения расходов государства на культуру: “Те учреждения, которые не хотели бы, чтобы их внебюджетные средства контролировали, могут перейти на заказ. В этом случае они перестают быть чисто бюджетными” [Кудрин, 2002]; “...после резкого сокращения числа учреждений, создающих субсидиарную ответственность за обязательства, которые принимаются ими, введение для оставшейся части программно-целевого принципа формирования их бюджета” [Нестеренко, 2002].

10 лет спустя, все та же “реакция Зверева–Кудрина” и ставший почти регулярным “бюджетный спазм”, проявившиеся в этот раз в исполнении Указа Президента Российской Федерации “О мероприятиях по реализации государственной социальной политики” от 7 мая 2012 года № 597 (пп. 1е, 2а и 1к), породили “оптимизацию”² и “независимую оценку качества культурных услуг”³, которые чреватые потерями творческих ресурсов, деперсонализацией уже существующих грантов Президента и Правительства и тем самым снижением заработной платы творческих работников, установлением рейтингов для организаций культуры и их финансированием на основе этих рейтингов. Уже не в первый раз экономические ведомства пытаются приравнять организации культуры к химичкам и прачечным без всякого учета специфики и особенностей культурной деятельности – невозможности количественных оценок результатов творческого труда.

Отметим, что ведущие деятели культуры вполне в отечественных традициях пытаются противостоять этому и прилагают все усилия, чтобы оградить культуру от пагубных решений власти. При этом и сфера культуры, и все наше общество нуждаются не только и не столько в спорадических действиях ее лучших представителей (хотя эта практика не один раз оберегала культуру), сколько в нормах Закона, которые бы защищали данную сферу деятельности и создавали условия для ее нормального развития. Выход мы видим в формировании институтов, ограничивающих недружественное поведение экономических ведомств и, наоборот, “подталкивающих” исполнительную власть всех уровней к принятию решений, обеспечивающих необходимые условия для создания, распространения, сохранения и потребления культурных благ.

¹ Подчеркнем здесь принципиально одинаковый характер поведения “красного” наркома финансов СССР А. Зверева и “рыночного” министра финансов РФ А. Кудрина.

² Приходится только удивляться искажению самого понятия “оптимизация” – исходно выбор лучшего варианта. В головах чиновников такое улучшение жестко увязано с реальным ухудшением жизни людей, с бездумными сокращениями, с якобы повышением заработной платы бюджетников, но при сокращении численности работников культуры, образования, науки и здравоохранения, при безразмерном аппарате чиновников и одновременном весьма значительном росте оплаты их труда.

³ 28 мая 2014 г. Государственная дума РФ приняла в первом чтении внесенный министром труда и социальной защиты (М. Топилиным) проект Федерального закона № 512328-6 “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества работы организаций, оказывающих услуги в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования”.

Хотелось бы надеяться, что в Год культуры будут приняты “Основы государственной культурной политики” и “Закон о культуре и культурной деятельности”, реально способные изменить ситуацию, переломить сформировавшиеся негативные тенденции в культурной динамике. Это станет абсолютным прорывом в жизни культуры и всего общества, породит надежды, что каждый год может стать Годом культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выживет ли культура в условиях рынка. Сборник статей американских авторов. СПб., 1996.

Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум и Государство: экономическая дилемма. М., 2013.

Кудрин А. Это революция в финансировании государственных учреждений // Известия. 2002. 1 июня.

Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры. Сборник материалов. М., 2002.

Музычук В.Ю. Государственная поддержка культуры: ресурсы, механизмы, институты. М., 2013.

Нестеренко Т. Реформа расходов бюджетной системы как фактор экономического роста // Финансовая газета. 2002. № 21.

Платон. Государство // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 3. М., 1971.

Рубинштейн А.Я. Исследование опекаемых благ в сфере культуры: эконометрическая модель “болезни цен” // Культура и рынок. Опекаемые блага. СПб., 2013.

Рубинштейн А.Я. Опекаемые блага в сфере культуры: признаки и последствия “болезни цен”. М., 2012.

Baumol W., Bowen W. Performing Arts: the Economic Dilemma. New York, 1966.

Baumol's Cost Disease: the Arts and Other Victims. Cheltenham (UK) and Lyme (USA), 1997.

Musgrave R.A. Provision for Social Goods // Public Economics. London–Besingstoke, 1969.

Schmidt K. Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern // Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften. 108. Jahrgang 1988.

© А. Рубинштейн, В. Музычук, 2014